

Тан Ли глубоко вздохнула и спряталась за спину Алого Кошмара.

— Что случилось? — спросил Алый Кошмар.

Тан Ли ни за что не посмела сказать, поспешно замахав руками. Она сама ещё не могла осознать случившееся! Наверняка, даже убив Линь Юэцзяня, не догадался бы, что у Цзян Ли и Хэй Чэна такие отношения!

[Поле боя Хэй Чэн]: Сестрёнка Тан Ли, давай сразимся один на один?

[Поле боя Тан Ли]: Нет, уходи, странный дяденька!

[Поле боя Хэй Чэн]: ...

[Поле боя Цзян Ли]: ...

[Поле боя Алый Кошмар]: ...

Люди в обеих командах, наверное, покатывались со смеху.

Алый Кошмар тоже издал хриплый короткий смешок.

Хэй Чэн, вероятно, был подавлен тем, что Тан Ли назвала его «странным дяденькой». После возрождения он всё время сражался с Тан Ли на нижней линии. А Цзян Ли ничего не сказал, делая вид, будто ничего не произошло, просто оставил нижнюю линию и постоянно перемещался между верхней и центральной, продвигая линию солдат, захватывая сторожевые башни. Его цель была в победе, а не в убийствах ради удовольствия.

Алому Кошмару, естественно, тоже пришлось противостоять Цзян Ли, и он покинул нижнюю линию.

Хэй Чэн неподвижно стоял, опираясь на длинную палку, и смотрел, как Тан Ли убивает перед ним солдат, пытавшихся снести сторожевую башню.

— Хочу сказать тебе кое-что, — произнёс он.

Тан Ли приняла серьёзный вид, готовясь поклясться тремя пальцами.

— Не волнуйся, я никому не расскажу.

Хэй Чэн считал, что она и не посмеет, был очень доволен, кивнул и, притворяясь дружелюбным, сказал:

— В знак благодарности, давай сразимся честно и справедливо?

Тан Ли вытаращила глаза.

— Раз это благодарность, разве ты не должен немедленно сдаться?

Хэй Чэн был поражён её наглостью.

— Ты и правда такое можешь сказать? Это поле ратной славы Цзян Ли, он... — Он провёл рукой по горлу.

Тан Ли беспомощно вздохнула. Если враг не сдаётся, то всё кончено. Их поражение в этой битве было предрешиено. Хотя она временно сковывала Хэй Чэна, в целом, люди в команде Цзян Ли были не слабыми, гораздо сильнее, чем Шуй Мэнша и остальные.

Шуй Мэнша на центральной линии неожиданно спровоцировала командную битву. Заметив это, Тан Ли перестала обращать внимание на Хэй Чэна и бросилась бежать к центру.

Эта групповая атака не принесла никаких преимуществ. Линху Юаньюань и Сюн Саньмэн из-за слишком частых смертей отстали в снаряжении к поздней стадии, и их сила не соответствовала. В командной битве люди из команды Цзян Ли сначала сосредоточили огонь на них двоих. Как только те погибли, остались только Алый Кошмар и Шуй Мэнша. Двоим против четверых не было спасения.

Световые эффекты от применения навыков были такими яркими, что, казалось, могли затмить небо.

К тому времени, как Тан Ли добралась, на поле оставались только Цзян Ли и ещё один человек с половиной здоровья, все остальные уже были убиты и отправлены в точки возрождения.

Тан Ли успела лишь забрать жизнь того другого человека, как Цзян Ли был спасён Хэй Чэном.

Второе поле ратной славы. Спустя пол-палочки благовоний Шуй Мэнша подняла белый флаг и сдалась.

Стоя у входа в главную базу на горе Сяо, несколько человек глубоко выдохнули. Шуй Мэнша попыталась утешить приунывшую Линху Юаньюань:

— Ничего, в следующий раз мы точно не столкнёмся с генералом Парящим Драконом! Не может же так постоянно везти!

В результате, после третьего подбора, увидев имена противников, Шуй Мэнша решительно снова подняла белый флаг.

Пятеро молча вышли из подземелья поля ратной славы. Шуй Мэнша развела руками.

— Я всё ещё слишком молода. Давайте разойдёмся, просто разойдёмся! В конце концов, мы же захватили город Цюаньчэн, значит, выполнили задание!

Тан Ли получила зарплату за поле боя с жалким видом — сегодня всего десять золотых.

Увидев это, Шуй Мэнша прижала её к груди и погладила по голове.

— В следующий раз приходи к нам в гильдию поиграть.

Линху Юаньюань и Сюн Саньмэн тоже обменялись с ней контактами друзей.

Опять прижали к груди. Тан Ли, покраснев, кивнула и разошлась с ними. Неподалёку Алый Кошмар стоял под пышным деревом, одинокий и отрешённый.

Тан Ли не возвращалась в деревню уже два дня. Вернувшись, она обнаружила, что у её забора собралась толпа, что-то показывающая пальцами. Удивлённая, она поймала ребёнка, грызущего каштаны неподалёку, и спросила:

— На что все смотрят?

Ребёнок сначала сладко позвал её «сестрёнка», и Тан Ли достала из кармана пирожное с османтусом, чтобы угостить его.

— У тётушки Хун в дом забрались воры! Староста деревни даже позвал деревенского лекаря.

— Что?! — Тан Ли подпрыгнула, раздвинула толпу и бросилась внутрь. Но, переступив порог, она не прошла и двух шагов, как увидела рядом со вонючим свинарником расстеленную циновку, на которой лежал окровавленный мужчина.

— Дядя Хун! — вскрикнула Тан Ли, испугавшись. Как раз в этот момент из кухни вышла тётушка Хун и, увидев, что та собирается трясти человека на циновке, поспешно остановила:

— Нельзя трогать, молодая хозяйка!

Тан Ли, указывая на человека, едва не расплакалась.

— Дя... дядя Хун?

Тётушка Хун не знала, плакать или смеяться.

— Твой дядя Хун жив-здоров! Пошёл за лекарем. Подойди сюда, этот человек выглядит так, будто чем-то заразился.

Тан Ли остолбенела, внимательно вытянула шею, чтобы рассмотреть, и наконец облегчённо вздохнула.

— А что тогда с вором? — Она всего два дня не была дома, а уже у неё в доме побывали воры. Смелости у этого воришки хоть отбавляй.

Тётушка Хун указала на человека на циновке.

— Он хотел украсть того детёныша панды, которого мы держим в дровяном сарае. Я поймала его и отлупила. И что же? На нём будто ожоги от кипятка, за одну ночь всё воспалилось и стало таким.

— Он ещё жив?

Тётушка Хун покачала головой.

— Не знаю. Я не решалась подходить близко. Молодая хозяйка, ты тоже держись от него подальше. Если лекарь скажет, что плохо, мы вечером отнесём его на заднюю гору, подожжём факелом и закопаем.

Тан Ли...

Внезапно стало как-то жалко этого мелкого воришку...

Увидев, что тётушка Хун так решительно настроена, она наконец успокоилась.

— А где братец Янь?

— Он? Хм, неизвестно, где опять безобразничает, — ответила тётушка Хун, неся поднос с перцем на просушку.

Тан Ли присела рядом с окровавленным мужчиной. У того не было видно движений груди, а кровавые следы покрывали всё тело — и руки, и ноги. Судя по её знанию супружеской пары Хун, они бы никогда не стали применять такие коварные приёмы, чтобы ранить.

Увидев, что тётушка Хун занята просушкой перца и не смотрит на неё, она тайком протянула палец, чтобы проверить дыхание мужчины.

Но в момент, когда палец коснулся кожи мужчины, кончик пальца внезапно обжёгся. Болевые ощущения в игре были установлены на минимум. Она открыла виртуальную клавиатуру и обнаружила, что в левом нижнем углу появился отрицательный эффект «отравление», который наносил периодический урон здоровью в течение одной минуты.

Так вот в чём дело...

Тан Ли достала пузырёк с красным зельем, дающим эффект лечения, вылила его на кончик пальца, и ожог исчез.

Она понизила голос:

— Слышишь? Сначала возродись, я дам тебе выпить зелья.

В следующее мгновение веки человека на циновке дёрнулись. Тан Ли сразу же влила зелье из пузырька ему в рот. Мужчина будто ожил.

Но в этот момент тётушка Хун вдруг крикнула:

— Молодая хозяйка, осторожно! — Затем стремительно бросила поднос, подскочила, обхватила Тан Ли за талию, подняла её на руки и, пыхтя, отступила на три шага назад.

Мужчина на циновке с трудом протянул руку к Тан Ли.

— А... зелье...

— Какого рожна! — нахмурилась тётушка Хун. — Нашей молодой хозяйке тоже можно что попало хотеть!

Тан Ли...

Тан Ли моргнула и могла лишь беспомощно наблюдать, как из-за отрицательного эффекта отравления шкала здоровья мужчины опустошилась, он снова шлёпнулся, рука упала, голова склонилась, и он испустил дух.

Братец, прости, полежи на земле ещё немного...

Дядя Хун привёл деревенского лекаря. Тот взглянул на человека на земле, ахнул и сказал:

— Только бы не чума!

Оба супруга Хун побледнели. Тётушка Хун поспешила запереть в комнате девчущку, которая выбежала посмотреть на шум.

Тан Ли сначала хотела подсказать, но потом передумала — это было бы неуместно. Если бы она сказала, что этот вор отравлен, разве это не значило бы, что тётушка Хун, поймавшая вора прошлой ночью, применила необычные методы?

Нельзя подставлять своих. Тан Ли бросила лежащему трупу взгляд, полный беспомощности. Сам виноват, раз хотел украсть моего детёныша панды! Заслужил!

Лекарь покачал головой.

— Не вылечить.

Тётушка Хун остолбенела.

— Он же только что... руку протягивал...

— Эх, заверните в циновку, лучше сжечь, — сказал лекарь, выходя и обращаясь к собравшейся толпе:

— Расходитесь, расходитесь! Этот человек заразный, идите все домой, помойтесь, смойте болезнь.

Эти слова подействовали сильнее, чем размахивание палкой. Люди у входа разбежались мгновенно.

Этот вор был не местным, ещё и воровал — нрав у него был нехороший. Сам заразился болезнью и умер — нечего винить супругов Хун. Лучше последовать совету лекаря и сжечь, чтобы покончить с этим. Высказав своё мнение, староста деревни тоже быстро удалился.

Если бы у трупа было выражение лица, он наверняка бы горько заплакал от несправедливости.

Наверняка...

Убраны оставшиеся китайские смайлики и символы (например, «ТАТ»). Прямая речь везде оформлена через длинное тире. Проверены и применены термины из глоссария (Дядя Хун, Тетюшка Хун, Девчушка и др.). Отрицательный эффект оставлен в корректной форме. Мысли Тан Ли оформлены без кавычек.

<http://bllate.org/book/15606/1393396>